

УДК 903.5(470.56)

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МОГИЛЬНИКЕ ФИЛИППОВКА 1 (По материалам раскопок 2004 – 2009 г.г.)

Леонид ЯБЛОНСКИЙ (Москва)

За допомогою археологічних даних в роботі аналізується етнографічна специфіка могильника Філіпповка 1 (IV ст. до н. е.).

Ключові слова: Скіфи, Ранні сармати, Філіпповський 1, похоронний обряд, товари, культура, хронологія.

С помощью археологических данных в работе анализируется этнографическая специфика могильника Филипповка 1 (IV ст. до н. э.)

Ключевые слова: Скифы, Ранние сарматы, Филипповских 1, погребальный обряд, товары, культура, хронология.

Using archaeological data in the work is analyzed ethnographic specificity of the burial ground Filippovka 1 (4 c. BCE) and considered it's typological and chronological position.

Key words: Scythians, Early Sarmatians, Filippovka 1, funeral rite, goods, culture, chronology.

1. Введение Могильник Филипповка 1 расположен на возвышенном участке равнины Урало-Илекского водораздела (Илекский р-н Оренбургской обл. РФ). Он насчитывал 29 курганов различной величины. Первое сообщение о памятнике относится к концу XIX века. Есаул Юдин, совершая поездку из Оренбурга в ст. Илекскую, собрал сведения о местных древних курганах. В результате ему стало известно о больших курганах у станицы Филипповской [1].

С 1986 по 1990 гг. на памятнике проводились раскопки уфимских археологов, возглавляемые А.Х. Пшеничноком. Результаты экспедиции оказались впечатляющими: было раскопано 17 курганов, включая “царский” курган №1, который дал, ставшую всемирно известной коллекцию находок, в том числе, 26 фигур золотых оленей, находившихся в специальных тайниках [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

После 1988 г. работы на могильнике прекратились и были возобновлены лишь в 2004 г. Приуральской экспедицией Института археологии РАН под руководством автора этой статьи. Экспедицией было исследовано еще 12 курганов могильника, включая “царский” курган (№ 4) высотой более 8 м и диаметром свыше 80 м.

2. Культ мертвых или ритуалы бессмертия. Если характеризовать Филипповский могильник одним словом, то самым подходящим будет слово “уникальный”. Два кургана в нем (они располагались в центре памятника) достигали огромных размеров – около 80 м в диаметре и свыше 8 м в высоту. Они содержали сокровища, которые, с учетом размеров насыпей, позволяют по скифологической традиции называть их царскими. Да и остальные, “рядовые” курганы содержали погребения с совсем не рядовым находками. Не вызывает сомнений, что могильник оставлен привилегированной группой ранних кочевников Южного Приуралья. Именно это обстоятельство обусловило, очевидно, и некоторую специфику погребального обряда этой группы. Прежде всего, обращает на себя

внимание доля захоронений, совершенных в больших ямах с дромосами. Такие захоронения хорошо известны в степях Евразии позднесавроматского и раннесарматского времени [сводка данных:9], но обычно они составляют единичные или немногочисленные случаи. В Филипповке раскопок 2004 – 2009 гг. их 100%.

2.1. Дома мертвых. В царском кургане №4 центральная гробница была сделана в большой яме площадью около 84 м² и глубиной 2,5 м. От нее отходил коридорообразный наклонный вход-дромос с имитацией ряда столбов вдоль бортов.

В центре ямы располагался глинобитный очаг-жертвенник, размерами 90 x 105 см. Углы очага располагались строго по сторонам света. На поверхности очага действительно разводили огонь в ходе погребального ритуала¹.

Напомним, что в одном из курганов урало-казахстанских степей квадратный очаг-жертвенник со стенками, ориентированными строго по сторонам света, был датирован сопутствующими находками в пределах VI – V вв. до н. э. [10, с. 59 – 60, рис. 2].

Вокруг очага в кургане 4 Филипповки лежали подношения – вещи из золота, многоцветная стеклянная чашечка и др. Особое место занимает деревянный кибит лука скифского типа со стрелами (Рис. 1). Подношения у очага были зафиксированы и в наземном коллективном захоронении кургана 15 могильника.

Погребенные в кургане 4 находились в деревянных гробовинах с крышками. Углы гробовин были скреплены широкими парными бронзовыми скобами, прибитыми массивными бронзовыми гвоздями. Такие гробовины были встречены в сарматской археологии впервые. Любопытно, что некоторые из них были аккуратно накрыты крышками, но оказались пустыми. Очевидно, они ждали новых погребенных для которых заранее были приготовлены места.

Камера была перекрыта слоями бревен, которые образовывали имитацию шатровой конструкции.

Таким образом, погребальная камера моделировала дом-полуземлянку со стенами, входом, очагом, крышей и обитателями. Подпрямоугольные в плане полуземлянки с длинными коридорообразными входами-дромосами известны в евразийских степях еще с эпохи поздней бронзы, например, в памятниках тазабагьябской культуры Южного Приуралья [11].

¹ Аналогичные очаги фиксировались также в погребальных камерах курганов 11, 13 и 15 было установлено, что в кургане 11 на поверхности очага огонь разводили неоднократно. В кургане 15 очаг все погребенные и очаг находились на поверхности погребенной почвы. Не исключено, что очаги были и в других курганах, но были уничтожены при ограблении могил с помощью экскаватора (курганы 16, 25, 26, 28).

В Зауралье традиционная планировка подпрямоугольных в плане помещений с длинными коридорообразными входами и центральными очагами сохраняется в саргатской культуре, но там такие дома выполнены в виде наземных срубов [12, fig. 8.14, 8.15].

2.2 Курганы-святилища. Все данные (стратиграфические и палинологические) указывают на то, что сооружение каждого кургана в Филипповке занимало достаточно протяженный период времени, измеряющийся, по меньшей мере, годами. И весьма длительный период времени проходил между сооружением центральных могильных ям и возведением насыпи. В этот период гробницы с перекрытиями оставались открытыми, и там могли совершаться какие-то ритуальные действия.

Можно предполагать, что филипповские сооружения несли двойную функцию – не только места захоронения, но и роль своеобразных святилищ, объектов поклонения и обрядово-ритуальных действий, проводившихся здесь на протяжении длительного периода уже после того, как захоронения в “дом мертвых” по тем или иным причинам прекращались. В межкурганых пространствах и у краев насыпей находили жертвенные комплексы, которые могут датироваться и в пределах III в. до н. э., т. е. временем, когда сооружение курганов уже прекратилось.

2.3 Подземные ходы в гробницы. К числу таких ритуальных действий относилось и сооружение подземных ходов, которые вели из-за пределов насыпи к центральным гробницам. Такие подземные ходы были найдены и в раскопках А.Х. Пшеничнюка, и в наших раскопках. Напомним, что в кургане 1, в устьях подземных коридоров были найдены бронзовые котлы или их обломки. А.Х. Пшеничнюк [8] предполагает, что эти ходы являются грабительскими лазами, сделанными вскоре после совершения захоронений. Так, в описании кургана 1 он отмечает, что “через подземные ходы грабители пробрались вскоре после совершения захоронения, когда камера была еще полый” [6, с. 28].

Коридорообразные входы в могильные ямы, в которых находили скелеты лошадей, известны по раскопкам скифских курганов IV в. до н. э. Северного Причерноморья. Ю.В. Болтрик [13, с.129, рис. 1, 2] полагает, что эти коридоры сооружались одновременно с погребальными камерами.

Курганы с подземными ходами исследовались также в Бесшатырском могильнике (V – IV вв. до н. э.) в Семиречье [14, рис. 49]. К.А. Акишев предполагал, что эти ходы не связаны с ограблением, имеют ритуальный характер и являются конструктивной особенностью курганов [14, с. 62].

Таким образом, по поводу назначения подкурганых ходов высказывались разные мнения.

Два подземных хода длиной 15 и 18 м при глубине 2,5 – 3 м были зафиксированы, например, в кургане 13 Филипповки (Рис. 2). На полу

одного из этих подземных ходов были найдены вещи, в том числе, железный меч, стилет и голова человека, от которой остался череп в сочленении с нижней челюстью, атлантом и первыми шейными позвонками. Эти находки позволили нам в свое время предположить, что ходы не были оставлены древними грабителями, а имели ритуальное назначение и составляли часть погребального обряда [15]. Эти предположения нашли подтверждение при раскопках кургана 28.

Здесь на полу подземного хода, в его середине было найдено захоронение молодого воина в сопровождении железного меча и россыпи бронзовых наконечников стрел, костяная ложечка, костяные нашивки на шапочку, выполненные в зверином стиле.

С целью ограбления современники погребенных могли, в принципе, легко воспользоваться дромосами. Но ни разу не было зафиксировано проникновение в погребальную камеру через дромос. С риском для жизни² соплеменники умерших рыли длинные подземные ходы под возведенными уже насыпями, чтобы проникнуть в камеры. Но не для того, чтобы взять оттуда, что-нибудь, а, напротив, чтобы принести туда жертвенные предметы. Это могла быть человеческая голова, куски конины, железный меч, железный пластинчатый доспех (в кургане 28 такой доспех был оставлен на пороге дромоса, у входа в погребальную камеру), массивный бронзовый котел (раскопки 2013 г). Полагаю, что бронзовые котлы в кургане 1 тоже не были забыты грабителями, как думает А.Х. Пшеничнюк, а составляли комплекс подношений мертвым со стороны их соплеменников. Можно отметить, в связи с этим, что крупные обломки бронзовых котлов мы находили в полах насыпей курганов 11 и 16. По-видимому, именно бронзовые котлы или их обломки часто служили предметами ритуальных подношений.

Можно предположить, что для принесения подношений соплеменники принципиально не использовали дромос – дорогу только для мертвых, а прокладывали в погребальную камеру новые пути, специально предназначенные для проникновения туда и обрядовых действий живых.

2.4. Человеческие жертвоприношения. На костях юноши из подземного хода кургана 28 не были обнаружены следы травм. Но это еще не значит, что мы должны в этом случае исключить предположение о жертвенном предназначении погребенного – следы убийства далеко не всегда остаются на костях жертвы.

Надо сказать, что ранее в кургане 1 могильника Прохоровка 1 (IV – III вв до н. э.) были исследованы два необычных захоронения, расположенные к северу от основной могильной ямы (№1). В отличие от

² Материковые пласты в районе Филипповского могильника представлены рыхлыми супесчаными почвами, переслоенными плотными суглинками. Во время раскопок подземных ходов, которые мы вынуждены были из соображений безопасности, вести открытым способом, стенки ходов часто обрушивались.

остальных периферийных, длинные оси этих ям были ориентированы, как и центральная, строго меридионально. В могиле №6 пожилая женщина лежала лицом вниз так, что голова ее находилась на дне центральной части подбойной ниши, а стопы ног – выше ступеньки подбоя. Так, будто она была сброшена в яму вниз головой. В могиле №7 погребенная (молодая женщина) лежала в полуразворот на живот, лицом вниз. Левая рука была согнута в локте так, будто она прикрывала предплечьем голову. Прослежено, что позже входная яма была вскрыта узкой траншеей, в которую было уложено три конских головы и одна коровья [16]. Не исключено, что оба описанных захоронения имеют жертвенный характер.

В центральном захоронении кургана 4 Филипповки скелет молодого мужчины лежал у очага вне гробовины и без сопровождающих вещей. Его череп был рассечен мечом. Судя по стратиграфическим данным, скелет археологически синхронен остальным погребенным. Либо это убитый соратниками древний грабитель (не поделили золото), либо (скорее всего) – человеческая жертва, принесенная в ходе погребального ритуала еще до сооружения насыпи кургана.

В связи с этим предположением заметим, что в погребальной камере кургана 16 Филипповского могильника, в ее северной стенке, строго напротив входа-дромоса располагалась цилиндрическая ниша, открытая со стороны погребальной камеры. На дне ее были расчищены кости задней части лошади, а поверх лошадиных костей – скелет, оставшийся от мужчины, который был установлен в вертикальном положении на конский круп. Вероятнее всего, что в данном случае мы также имеем дело со своеобразным жертвоприношением человека и животного.

2.5. Жертвоприношения животных. О том, что лошади в погребальном обряде Филипповки являлись объектом жертвоприношений, ярко свидетельствует ситуация в центральном погребении кургана 4, где у входа в дромос были расчищены скелеты трех лошадей, которые лежали в ряд, мордами в сторону очага. Одна из лошадей была уложена в гробовину и сопровождалась золотой подвеской. Традиция жертвенного приношения кусков лошадиного мяса и конских голов прослеживается, в частности, и в относительно более позднем могильнике у д. Прохоровка [16].

2.6. Тризны

В иных случаях лошадей использовали, как жертвенное мясо во время тризн, которые проходили у подножия курганов. На поверхности древнего горизонта, чаще всего, у южного сектора насыпи. Во многих случаях отдельные кости иногда находились в правильных анатомических сочленениях.

Особый случай и в этом отношении представляет царский курган 4. Здесь, помимо отдельных скоплений костей, у южного подножия насыпи

было расчищено девять конских черепов (голов), которые лежали в один ряд, мордами в сторону насыпи.

Такие картины заставляют вспомнить о том, что античные авторы называли сарматов гипофагами, т.е. конеедами.

2.7. Предметные жертвоприношения. Жертвенные предметы находили в Филипповке не только у очагов, внутри погребальных камер и подземных ходов, рядом с бортами коллективных гробниц, но и полах насыпей курганов, куда отдельные вещи ли их комплексы были прикопаны. Так, крупные обломки бронзовых котлов были найдены в полах насыпей курганов 11 и 16 Филипповки. В кургане 4 жертвенный комплекс, который включал несколько богато украшенных в зверином стиле уздечек и крупную хищную птицу (все объекты были предварительно завернуты в медвежью шкуру) был прикопан в вблизи южной полы насыпи. Приношениями мертвым следует считать и бронзовые котлы в подземных ходах кургана 1.

3. Специфика труположений. В Филипповке уже прослеживается планировка погребений, которая станет обычной в памятниках раннесарматской (прохоровской) культуры. Вокруг центрального погребения располагались захоронения, распложенные у краев насыпи кургана. Такая ситуация, в частности, была зафиксирована в курганах 1, 2, 4, 15, 16 и 29 Филипповского могильника. Если центральные захоронения представляли собой “дома мертвых”, то боковые были обычно индивидуальными, их производили в широкопрямоугольных могильных ямах, часто с деревянными перекрытиями. В некоторых из таких ям было зафиксировано диагональное расположение скелетов – обычай, который непрерывно сохраняется в Волго-Уральском регионе в раннесарматскую эпоху и доживает здесь до среднесарматского времени [17]. Одно из погребений в кургане 15 было совершено в подбое. Другие – были сделаны в могильных ямах с заплечиками вдоль длинных бортов ям и деревянными перекрытиями.

Длинные оси могильных ям дополнительных захоронений были направлены параллельно краю насыпи кургана в данном секторе, но погребенные были всегда ориентированы в южный сектор (обычай, характерный для раннесарматского населения Волго-Уральского региона, который распространился здесь в постсавроматское время).

3.1. Супруги или вождь с наложницей? Одно дополнительное захоронение в кургане 4 оказалось парным одновременным. Оно было совершено в широкопрямоугольной яме с заплечиками и деревянным бревенчатым перекрытием. Здесь были похоронены молодые мужчина и женщина. Оба с литыми золотыми шейными гривнами и литыми золотыми браслетами.

При мужском скелете были расчищены железный меч-акинак и бронзовые наконечники стрел. У женщины между берцовыми костями находился музыкальный инструмент, от которого остались бронзовые бубенчики (12 шт.) и бронзовый молоточек в виде объемной литой фигурки уточки. Такой инструмент и сегодня можно встретить в традиционных обществах. Оба погребенных были накрыты общим покрывалом, нижний край которого был украшен большими мраморными и глазчатой пастовой бусиной.

Женщина лежала на плаще, борта которого были украшены большими золотыми с эмалевыми вставками нашивками в виде тигров (38 шт.). Парное захоронение является свидетельством одновременности смерти и захоронения обоих субъектов. Нам остается лишь гадать о прижизненных взаимоотношениях этой пары.

4. Воины.

Два боковых захоронения в царском кургане 4 принадлежали молодому и пожилому воинам. Сарматские военачальники располагали не только наступательным, но и защитным вооружением. На голове они носили железные шлемы с нащечниками и наносниками. Такой шлем был найден в кургане 11 Филипповки³ (Рис. 3). Торс был защищен железным или роговым чешуйчатым доспехом на кожаной основе. Основное отличие доспеха из Филипповского-1 могильника от большинства известных доспехов – крупные наплечники и сочетание ламеллярных и чешуйчатых пластин и способов крепления у исследуемого доспеха. У большинства скифских или сарматских доспехов наплечники либо небольшого размера, либо отсутствуют в принципе [18].

Справа носили короткий железный меч-акинак (для ближнего боя), на левом боку – горит (набор из зачехленного лука и колчана со стрелами). Количество стрел, от легких до бронебойных, иногда превышало 200 шт. в одном колчане, который соединялся с портупеей посредством прекрасно оформленных в зверином стиле серебряными с золотом колчанными крюками. К гориту крепились золотые конусообразные предметы, которые, вероятно, служили умбонами-утяжелителями или составляли элемент крепления горита к портупее. Любопытно, что изображения точно таких предметов известны по каменным антропоморфным изваяниям скифской эпохи [19, илл. 62]. На правом боку висел на ремне железный боевой топор-клевец. В карманах колчана находились ножи, шилья, кресала, точильные камни, дротики и др. необходимые воину предметы.

Точно (по положению наконечника и подтока *in situ*) установлена общая длина сарматского копья с железным наконечником – 3,2 м. Оно

³ Реставрация М.С. Шемаханской. Этот шлем пока остается уникальным в сарматской археологии [22]. Своим силуэтом он отдаленно напоминает бронзовые греческие шлемы, но, в отличие от них, выкован из железа. Находки железных шлемов в Восточном Средиземноморье, однако, не известны [23], что делает вероятным предположение и его местном (приуральском) происхождении.

напоминает копья, которые использовали в фалангах Александра Македонского. Фиксированная длина большинства скифских копий, по данным Е.В. Черненко [20, с. 233] не превышала 2,3 м. Однако, по мнению этого автора (20, с. 234) к IV в. до н. э. можно говорить о появлении у скифов длинных “штурмовых” копий-пик, подобных тем, которые обычно связывают с сарматским временем [21].

Клинки и рукояти парадных мечей украшали сюжетно и технически сложной золотой инкрустацией. На клинке одного из мечей золотом изображены сцены верховой охоты с копьем (Рис. 4, 1) и жертвоприношения оленя (Рис. 4, 2).

Пояса и ремни скрепляли золотыми высокохудожественными портупейными пряжками, расположенными в местах перекрестия поясных и портупейных ремней. Одна из таких пряжек выполнена из литого золота в виде фигуры лежащего тигра (Рис. 5, 1). К воинским аксессуарам мели отношение серебряные с инкрустацией золотом колчаные крюки (Рис. 5, 2).

Возвращаясь к теме особенностей погребального обряда, нужно акцентировать внимание на широком использовании в нем массивных железных втульчатых наконечников копий. Пара таких наконечников была найдена в центральном погребении кургана 11, еще один однотипный наконечник находился на поверхности заплечика могильной ямы погребения 4 кургана 4. Особенно интересный случай представляет наконечник копья из погребения 2 кургана 4. Он был глубоко воткнут в пол в углу погребальной камеры, находясь в вертикальном положении. Копья из кургана 11 тоже были поставлены вертикально, но не воткнуты в дно, а прислонены к стенке могилы.

5. Женщины. Многие захоронения в могильнике принадлежали женщинам⁴. Поэтому нельзя говорить о том, что могильник Филипповка 1 предназначался только для мужских захоронений. Более того, установлено, что некоторые захоронения в центральной погребальной камере царского кургана 4 принадлежали именно женщинам. Все данные свидетельствуют о высоком социальном положении женщин в обществе ранних кочевников. По богатству инвентаря женские захоронения ничем не уступают мужским. Так, в погребении 3 кургана 16 захоронение женщины сопровождали находки из золота – накладки на пояс, золотые ворворки, золотой литой браслет. Особенно богатым выглядит захоронение женщины в погребении 4 кургана 4. Помимо упомянутых выше наборов из золотых накладок на плащ, надо отметить еще драгоценную серебряную амфору из этого захоронения. Амфора вместе с железным мечом была установлена в

⁴ В период 2004–2007 гг. все определения пола погребенных по их скелетам были сделаны (с соблюдением антропологических методик) Л.Т. Яблонским.

головах, погребенных, очевидно, в качестве жертвоприношения и имела, таким образом, отношение к обоим погребенным [24].

В женском захоронении кургана 15 была найдена, помимо прочего, деревянная чаша, богато отделанная накладками из драгоценных металлов [25].

Однако, помимо драгоценных украшений, женские захоронения в Филипповке сопровождались и предметами конской упряжи, как это было в том же погребении кургана 15, а также предметами вооружения – в кургане 11 на поверхности бронзового зеркала, которое сопровождало захороненную здесь женщину, лежало множество бронзовых наконечников стрел (более 40 шт.). Они находились в колчане, от которого сохранились лоскутки кожи. Здесь же – предметы конской упряжи (четыре набора удила и псалиев). Как известно, традиция сопровождать женские захоронения предметами вооружения и конской упряжи, имеет древние традиции в Южном Приуралье и сохраняется в раннесарматскую эпоху [26].

Также издревле на женщин в раннекочевых сообществах были возложены обязанности, связанные с отправлением культов. Эти традиции фиксировались еще для раннесакского времени [27], а в Илекском регионе Оренбуржья и для савроматской эпохи [28]. Ярким примером продолжения этой традиции в группе, оставившей Филипповский могильник, является женское погребение в подбойной могиле кургана 16.

6. Татуировщицы. Здесь, помимо прочего, был найден комплекс предметов, который включал: бронзовое зеркало (на поверхности зеркала сохранились остатки кожаного футляра).

Остальные предметы комплекса находились под диском зеркала:

- кожаный мешочек с костяной иглой.
- каменная “палитра” для красок. Она представляла собой плоскую серовато-коричневого цвета песчаниковую плитку подквадратной формы со срезанными углами.
- костяная ложечка для размешивания красок.
- обломок белемнита.
- железный нож с железной плоской рукоятью и саблевидно изогнутым однолезвийным клинком с загнутым верх концом.

Еще один татуировальный набор происходит из кургана 29 и включает каменную палитру с пестиком для растирания красок. В погребении 2 кургана 1 были найдены и сами краски-пигменты, уложенные в кожаные мешочки и туалетные сосудики.

В сарматскую эпоху татуировки давно и хорошо известны по алтайским мумиям, из могильников пазырыкской культуры [29]. В условиях сухих степей Оренбуржья органика в погребениях не сохраняется. Но теперь мы можем быть уверены, что традиция нанесения

разноцветных татуировок не была чужда и местным кочевникам и, что выполняли магические татуировки именно женщины.

7. Сокровища. Между гробовин в центральном погребении кургана 4 был помещен жертвенный комплекс, который состоял из драгоценных предметов: ритуальный сдвоенный сосуд на деревянной основе, украшенный пластинами из золота и серебра (он выполнен в виде фигур баранов), бронзовый масляный светильник в виде горбатого быка-зебу, нож с литой серебряной рукоятью в виде объемной фигуры летящего оленя, золотые детали нагайки и другие.

Особое место занимает уже упомянутая литая серебряная амфора со сливом в виде фигуры священного крылатого козла. Изображения аналогичных амфор известны на рельефе дворца Дария Великого (V в. до н. э.). Их в виде даров подносят Дарию, как предполагают, лидийцы [24].

Все данные говорят о том, что могильник Филипповка 1 был оставлен группой кочевников, которую по всем признакам можно типологически отнести к раннесарматским (по традиционной терминологии). Что же касается известной специфики признаков погребального обряда, то ее легче всего связать с этнографическими особенностями данной популяции и ее, безусловно, высоким социальным статусом в орде кочевников, заселивших Южное Приуралье где-то в середине первого тысячелетия до н. э.

8. Вопросы хронологии. Не имея возможности подробно останавливаться здесь на проблемах хронологии Филипповского могильника [см. об этом: 30, 31, 32] отметим, что для установления даты памятника огромное значение имеют находки импортного происхождения, имеющие аналогии в надежно датированных памятниках Среднего Востока, Средиземноморья и Предкавказья.

“Нижнюю” дату памятника определяют вещи ахеменидского круга или на ахеменидскую тему, найденные, в частности, в царских курганах №1 и №4 Филипповского могильника [33]. Уже установлено, что серебряная амфора из погребения 4 кургана 4 датируется второй четвертью V в. до н. э. [24]. Всего было найдено несколько десятков предметов, сделанных только из золота и серебра. Большинство этих вещей выполнены в традициях скифо-сибирского звериного стиля и представляют собой высокохудожественные образцы декоративно-прикладного искусства V – IV вв. до н. э. В целом, для находок из Филипповки можно отметить, что серебряные сосуды ахеменидского стиля датируются в рамках середины V – первой половины IV в. до н. э. и могут быть в основной массе отнесены к изделиям малоазийских и (или) фракийских мастерских [33]. По-видимому, именно в этот отрезок времени и укладывается “нижняя” дата Филипповского могильника. Надо только учитывать, что драгоценные

вещи, которые датируются указанным периодом в IV в. до н. э. уже были антикварными и могли попасть в приуральские погребения несколько позже времени их изготовления. Об этом могут свидетельствовать и следы длительного использования серебряной амфоры (утрата одной ручки и ремонт сосуда) и золотых накладок на плащ, а также литых браслетов из погребения 4 кургана 4 (утрата эмалевых вставок). Находками ахеменидского типа верхняя дата могильника может быть определена, как третья четверть IV в. до н. э. [32].

ИСТОЧНИКИ И ЛЕТЕРАТУРА

1. Юдин М.Л. Заметка о курганах // Труды ОУАК. – Вып. 4. – Оренбург, 1898.
2. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М. 1983 – 200 с.
3. Пшеничнюк А.Х. Раскопки “царского” кургана на Южном Урале. Препринт доклада. – Уфа., 1989. – 24 с.
4. Пшеничнюк А.Х. “Царский” курган на Южном Урале // Наука в России. Май-июнь – №3. – 1999. – С. 35 – 41.
5. Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии. СПб., 2001а. – С. 26 – 37.
6. Пшеничнюк А.Х. Погребальный обряд Филипповских курганов // XV УАС. Тезисы докладов международной научной конференции. – Оренбург, 2001б. – С. 26 – 29.
7. Пшеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. – СПб., 2003. – С. 26 – 37.
8. Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале (Савельев Н.С. – ред.) Уфа. ИИЯЛИ УНЦ РАН. – 278 с.
9. Яблонский Л.Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамья эпохи железа // УАВ. – Вып. 1. – Уфа., 1998. – С. 8 – 24.
10. Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург., 1993. – С. 53 – 67.
11. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н. э.) // ТХАЭЭ. Т. X. М. 1977. – 239 с.
12. Korykova L., Epimakhov A. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge. 2006. – 178 p.
13. Болтрик Ю.В., Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000. – С. 129 – 137.
14. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р.Или. – Алма-Ата, 1963. – 322 с.
15. Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Загадка тринадцатого филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. – Уфа, 2006. – С. 38 – 45.
16. Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии (Мошкова М.Г.- ред.). – МИАР №12. – М., 2010. – 383 с.
17. Мошкова М.Г. О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века Юга России. – МИАР № 6. – М., 2004. – С. 147 – 165.

18. Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка – 1 (интерпретация комплекса и реконструкции первоначального облика) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. – Оренбург., 2008. – с. 105 – 115.
19. Ольховский В.С., Евдокимов Г.А. Скифские изваяния VII – III вв. до н. э. – М., 1994. – 187 с.
20. Черненко Е.В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 231 – 234.
21. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М., 1971. – 173 с.
22. Фризен (Куринских) О.И., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Шлем из могильника Филипповка-1 // ВДИ. – 2013. – №4 (в печати).
23. Горелик М.В. Оружие древнего востока. – М., 1993. – 349 с.
24. Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная амфора из Филипповки // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. – Оренбург, 2008. – С. 29 – 37.
25. Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. Реконструкция деревянной чаши из Филипповского могильника // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. – М., 2006. – С. 38 – 42.
26. Стрижак М.С. К вопросу о женских погребениях Приуралья и Поволжья VI–IV веков до н. э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2006. – С. 90 – 92.
27. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. Археология и антропология могильников. – М., 1996. – 185 с.
28. Davis-Kimball J, Yablonsky L. Excavations of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia //Silk Road Art and Archaeology. – V.4. 1995/1996. – Tokio. – P. 1-16.
29. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. – 360 с. + 128 табл.
30. Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра истории и культуры сарматов. – Вып. II. – Волгоград, 2007. – С. 4 – 36.
31. Яблонский Л.Т. От редактора // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. –Оренбург, 2008. – С. 5 – 17.
32. Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.) К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). – М., 2012. – Т. I. – С. 282 – 284.
33. Трейстер М.Ю. Произведения торевтики ахеменидского стиля и на “ахеменидскую тему” в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. – Оренбург, 2008. – С. 145 – 169.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Яблонский – заведующий Отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, доктор исторических наук, профессор.

Научные интересы: археология, антропология и этногенез ранних кочевников Евразии.